

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Резухин П.С. Влияние Манифеста 17 октября 1905 года на православное приходское духовенство Российской империи в 1905–1907 гг. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.7.70282 EDN: YNGIEL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70282

Влияние Манифеста 17 октября 1905 года на православное приходское духовенство Российской империи в 1905–1907 гг.

Резухин Петр Сергеевич

ORCID: 0000-0002-0717-5853

старший преподаватель, кафедра церковной истории, Тульская духовная семинария Тульской Епархии Русской Православной Церкви

300045, Россия, Тульская область, г. Тула, ул. Староникитская, 75

✉ p.rezuhin@yandex.ru

[Статья из рубрики "Верования, религии, Церкви"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.7.70282

EDN:

YNGIEL

Дата направления статьи в редакцию:

28-03-2024

Дата публикации:

20-07-2024

Аннотация: В статье рассматривается общественно-политическая составляющая в деятельности православного приходского духовенства в период 1905-1907 гг. Автор обращается к изучению влияния Манифеста 17 октября 1905 г. "Об усовершенствовании государственного порядка" на мировоззрение и настроения священно- и церковнослужителей. На основе опубликованных источников и неопубликованных архивных материалов показывается отношение белого клира к главному документу периода первой русской революции, ставшего важнейшим квазиконституционным актом начала XX в. Появление Манифеста 17 октября вынудило церковные власти предоставить духовенству право высказываться на тему политической повестки, возложив обязанность зачитывать и растолковывать царский акт мирянам. В публичных

выступлениях священников, печатавшихся в епархиальных ведомостях, подчеркивалась значимость свободы, дарованной императором. В основу методологии исследования был положен принцип историзма. Системный метод, опора на источник позволили объективно рассмотреть заявленную проблему. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что Манифест 17 октября 1905 г. оказал существенное влияние на умы и настроения приходского духовенства. Имеющиеся сведения (речи, проповеди, поучения приходского духовенства, материалы консисторий) позволяют утверждать, что в общественном сознании духовного сословия этот законодательный акт воспринимался как дарованная государем императором свобода не только для прихожан, но и для самих священно- и церковнослужителей. Идеи Манифеста вселяли надежду на обновление не только государственной, но и церковной жизни. В публичных выступлениях на тему Манифеста духовенство нередко допускало критику власти и высказывало симпатии к освободительному движению. Таким образом, Манифест 17 октября стал одним из факторов, обусловивших политизацию приходского духовенства Российской империи в начале XX в.

Ключевые слова:

Русская Православная Церковь, приходское духовенство, манифест, революция, реформы, епархия, Синод, империя, крестьяне, конституция

В начале XX в. православное приходское духовенство оказалось в затруднительной ситуации: ломка традиционного общественного уклада в условиях стремительной российской модернизации дополнилась глубоким политическим кризисом 1904-1905 гг. Переживаемые события – поражения в русско-японской войне, революционные волнения 1905 года, образование российского парламента и легализация политических партий – не могли не повлиять на поведение приходских священно- и церковнослужителей. С одной стороны, по долгу своего пастырского служения они были должны вразумлять паству, предостерегать от вовлечения в смуту, но большинство клириков пребывало в растерянности – идеологема «православие, самодержавие, народность» постепенно теряла свою привлекательность в обществе; слово священника в условиях растущего антиклерикализма низов также утрачивало прежнее воспитательное значение и требовались иные, главным образом, законодательные меры изменения положения в приходах. С другой стороны, многие священно- и церковнослужители, служившие в приходах, оказались сами не чужды политической жизни, ожидая скорейших перемен «сверху» не только в государственно-церковных отношениях, но и в своем правовом и материальном положении на уровне прихода. В общении с паствой они старались осторожно затрагивать политические темы, сохраняя лояльность к существующей имперско-синодальной системе. Немалая часть клира, по-прежнему, оставалась на консервативных позициях, усматривая в происходящем покушение на основы государственного и церковного устройства; их взгляды находили отражение на страницах церковной печати. Таким образом, приходское православное духовенство оказалось невольно втянуто в общественно-политическую жизнь Российской империи. Среди факторов влияния на мировоззрение и поведенческие практики белого клира следует отметить появление законодательных актов 1905 года. Среди них следует выделить Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», опубликованный 17 октября 1905 г. [\[1\]](#)

Анализу содержания и значению этого акта уделяется определенное внимание в

современной историографии [\[2, с. 458-460\]](#), [\[3, с. 37-44\]](#), [\[4, с. 184-188\]](#). По существу, основные положения Манифеста сводились к дарованию личных прав и свобод населению, расширению избирательных прав рабочих и закрепления за Государственной Думой статуса законодательного органа. Для церковных кругов особый интерес имела провозглашаемая свобода совести, развивавшая закрепленное 17 апреля 1905 г. положение о веротерпимости [\[5\]](#). Но и другие идеи этого документа, очевидно, не могли оставить равнодушными представителей белого клира в провинции в условиях революционной смуты. С одной стороны они вызывали беспокойство за судьбу духовного сословия, а с другой – надежду на обновление.

В существующих исследованиях, основанных на региональных источниках, достаточно глубоко прорабатывается вопрос о разнообразных формах вовлеченности священно-и церковнослужителей в события 1905 года, а также противодействия бунтарским настроениям крестьян [\[6, с. 247-275\]](#). В ряде исследований в научный оборот вводятся архивные документы, иллюстрирующие случаи «неправильного толкования Манифеста 17 октября» приходскими священниками [\[7, с. 186-188\]](#). В тоже время следует признать, что отношение клириков в акту, прозванному современниками «конституцией» [\[8, с.3-5\]](#), пока недостаточно полно освещено в современных трудах, посвященных истории Русской Православной Церкви в дореволюционный период. Полагаем, что Манифест 17 октября мог иметь значительное влияние на психологическое состояние пастырей, особенно сельских, их мировоззрение и богослужебную деятельность. Также не меньшее влияние на настроение клира могла оказать и отставка всесильного К. П. Победоносцева с поста обер-прокурора, случившаяся 19 октября – спустя два дня после опубликования Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка». Эти события выбивали приходское духовенство из многолетнего привычного образа жизни.

Царский манифест был напечатан в «Церковных ведомостях» 22 октября 1905 г. [\[9, с. 483-484.\]](#). В этот же день он оперативно появился и на страницах некоторых епархиальных ведомостей [\[10, с. 363-364\]](#). В течение ноября-декабря Манифест публиковался в епархиальной печати. Так, «Калужские епархиальные ведомости» опубликовали документ 15 ноября [\[11, с.407-409\]](#), а печатный орган Рязанской епархии – только 1 декабря [\[12, с. 757-759\]](#). Публикация Манифеста в провинциальной церковной печати имела особое значение: в отличие от «Церковных ведомостей», епархиальные ведомости в обязательном порядке выписывались во всех приходах и являлись наиболее доступным средством массовой информации для клириков, особенно в удаленных населенных пунктах.

Церковные власти понимали возможные негативные последствия появления акта «Об усовершенствовании государственного порядка» и постарались по горячим следам дать разъяснения, адресованные прежде всего священно- и церковнослужителям. Так, уже 28 октября появилось послание Св. Синода, в котором растолковывались дарованные свободы [\[13, с. 489-491\]](#). Объяснения давались в самых общих формулировках с позиций православного патернализма, в соответствии с которым дарование свобод – гражданских и духовных – многомиллионному христианскому населению Российской империи, своим чадам, стало проявлением милости помазанника Божия. Пастырям и пастве разъяснялось, что свободы дарованы «на делание мирное, на подвиг любви и служения Отечеству». В послании Св. Синода содержалось и предостережение о необходимости повиноваться царю не только за страх, но и за совесть: «Тяжкий грех берет на свою душу тот, кто думает мятежом и насилием сослужить верную службу

своему Государю» [\[13, с. 491\]](#).

В этот же день Св. Синод принял Определение № 5429 «Об установлении особого на сугубой ектении на литургии моления по поводу происходящих в России смут и нестроений» [\[14, с. 396-397\]](#), в котором содержался призыв к пастырям организовать в церквях «моления в виду происходящих во многих местностях Империи смут и волнений».

Епархиальное начальство также старалось направить действия пастырей на успокоение мирян. В частности, в «Тульских епархиальных ведомостях» напечатали распоряжение епископа Тульского и Белевского Лаврентия духовной консистории от 23 октября об обязательном участии подведомственного духовенства в «устранении междоусобия среди населения» [\[15, с. 396-397\]](#). Поучения приходских священников стали постоянно публиковаться в епархиальной печати. Активно печатали речи, поучения клириков «Калужские епархиальные ведомости» в октябрьских-декабрьских номерах. Так, священник Калужской епархии И. Зарецкий, в выступлении перед паствой 24 октября, отмечая заслуги Александра II перед народом, подчеркнул, что «внук же его, Император Николай II-й, даровал свободу внутреннюю, раскрепостив самую душу всех своих подданных. Всему населению России, кажется, оставалось одно— возблагодарить за столь великую милость Царя царей и своего Царя-Батюшку» и объединиться для «благого дела» [\[16, с. 658\]](#). Причину всех бед клирик усматривал в забвении заповедей Христовых, неожиданном появлении в русском обществе неких «темных сил».

Толкование населению содержания Манифеста 17 октября становилось обязанностью клира. И пастыри с воодушевлением взялись за это нелегкое дело. В частности, кафедральный протоиерей Д. О. Некрасов из Калуги, выступая 15 ноября перед духовенством и мирянами с речью о необходимости водворения мира и спокойствия в губернском центре, обратил внимание собравшихся на то, что «17 октября над всей русской землей пронесся Царский голос о свобод всех сынов России. Русскому народу дана гражданская свобода» и на священников возложена обязанность дать свободу, в одинаковых пределах, и нашему ближнему» [\[17, с. 683-684\]](#).

Фонды епархиальных духовных консисторий в региональных архивах содержат интересные кейсы, показывающие равнодушное отношение клириков к зачитыванию содержания царского манифеста. В качестве примера остановимся на эпизоде из биографии священника села Малевка Богородицкого уезда Тульской губернии о. Прохора Щеглова, обвиняемого гражданскими и церковными властями в благословении крестьян на разгром хутора графа А. А. Бобринского 5-6 декабря 1905 г. [\[18, л. 5\]](#). Пастырь был уличен консисторией также в чтении проповеди политического содержания, произнесенной, по словам земской учительницы и дочери священника Марии Ивановской, в храме 20 ноября 1905 г. «во время обедни, после Евангелия», под влиянием Манифеста 17 октября.

Тексты проповедей общественно-политического содержания не часто можно обнаружить в делопроизводстве епархиальных консисторий, что делает такие документы наиболее ценными для понимания специфики общественного сознания приходского духовенства. В проповеди, являющейся прекрасным образцом политического памфлета [\[18, лл. 48-55\]](#), о. Прохор Щеглов постарался доступным, простым языком объяснить малограмотным прихожанам содержание и значение царского манифеста, появление которого объяснял, главным образом, жалобами народа «на несправедливые действия исполнительных властей», чиновников. Этим обстоятельством, а также стремлением «водворить правду и

справедливость», пастырь пояснил решение монарха созвать из выборных от народа Государственную Думу.

Заслуживают отдельного внимания также характеристики приходским священником прав и свобод, дарованных населению Манифестом 17 октября. В его представлении свобода личности означала, что «ни один человек, кто бы он ни был.... не может другого человека без вины и без суда ни арестовать, ни тащить и сажать в холодную, не имеет права даже грубо прикасаться ко всякому человеку. Что такое свобода совести? Это значит - всякий человек может молиться богу так как он хочет и никому нельзя мешать и запрещать молиться по-своему» [\[18, л. 51\]](#)

Клирик, рассуждая о свободе собраний, отмечал, что она означает возможность «свободно собраться на сходку, на беседу (называются такие сходки и собрания митингами) для обсуждения своих частных дел, также общественных и общегосударственных... И можно на этих собраниях говорить всю правду без опаски, можно говорить о своих начальниках, о помещиках, о священниках и о своем положении – лишь бы это была правда. Это и называется теперь свобода слова» [\[18, л. 51об-52\]](#).

Для устроения жизни «по-справедливее, по-божески», была дарована свобода печати, «когда можно стало писать правду о том, что делается», но «слово, хотя бы и свободное, еще половина дела; одному человеку не осилить сделать большое, общественное дело, а вместе с другими сообща, все можно; поэтому, чтобы дело шло успешнее люди соединяются вместе – в общества, в артели, в союзы ...таких союзов у нас теперь много; чаще всего они составляются людьми одной профессии, т.е. одного рода занятий, - такие союзы называются профессиональными... есть и союз крестьян» [\[18, л. 53\]](#). В условиях активного разрастания аграрных беспорядков, упоминание Крестьянского союза было не совсем правильным. Но священник Прохор Щеглов разъяснял, что до манифеста 17 октября свободы союзов вообще не существовало, «за это преследовали, сажали в тюрьмы, теперь же стало много свободнее».

В своей проповеди о. Прохор Щеглов оценивал Манифест как конституцию – «такое устройство управления, которое дает возможность участвовать в устройстве государственной жизни, всем людям, а не одним только чиновникам» [\[18, л. 53об.\]](#). Подобные характеристики нередко появлялись осенью-зимой 1905 г., когда умеренно либерально часть общества видела в Манифесте акт конституционного характера, исходя из идеи ограничения власти самодержца нормой закона.

В завершении проповеди о. Прохор Щеглов предложил пастве возблагодарить за появление Манифеста 17 октября не только Бога и Царя, но и «тех людей, которым для достижения этого пришлось перенести много притеснений – эти люди: студенты, врачи, курсистки, рабочие и лучшие из дворян и духовенства». Этот оборот свидетельствовал об оправдании сельским пастырем освободительного движения в стране. Клирик также призвал прихожан «стараться при помощи дарованных нам свобод мирным путем достигать удовлетворения своих нужд, отнюдь не прибегая к грабежам и насилиям» [\[18, л. 54об.\]](#). Проповедь, произнесенная о. Прохором Щегловым, несмотря на присутствующий в ней наивный монархизм, по своему духу была близка к программа либеральных партий. В ней также четко проглядывались симпатии к представителям оппозиционного общественного движения, сочувствие в отношении жертв самодержавия. По требованию губернатора епархиальные власти переместили священника в значительно удаленный от села Малевки приход села Хрипково Алексинского уезда, но 19 июня 1906 г. консистория прекратила дело и оправдала о. П. Щеглова.

Среди других, «резонансных», историй, появившихся под влиянием Манифеста 17 октября 1905 г., следует назвать дело студента Ярославского лицея Токарева, прочитавшего 20 ноября 1905 г. проповедь в церкви села Петровского Одоевского уезда с разрешения местного священника Алексея Фурсова [\[19, с.79-82\]](#). В проповеди, изъятый консисторией, основное внимание уделялось толкованию содержания Манифеста 17 октября, в частности, объяснению смысла свободы совести, означавшей, что «теперь русскому человеку не возбраняется веровать в Бога. Так, как его совесть велит, и принадлежать к такой вере, к какой его сама совесть прикажет», а отпадение от Православия не будет считаться преступлением [\[19, с. 63\]](#). Кроме того, студент Токарев подверг критике синодальное устройство церкви, когда «все – от простого мирянина до митрополита – находились ранее в зависимом положении от чиновника, от особы обер-прокурора»; неодобрительно отзывался об антисемитских настроениях внутри приходского духовенства. И в завершении проповеди содержались рассуждения о кризисе власти, когда «царю окружающие его докладывали что в России все обстоит благополучно, а когда Царь появлялся к народу, то он слышал от народа только одни крики нашего русского «ура» и больше ничего» [\[19, с. 63-64\]](#).

Произносимые проповеди никаких волнений в сельском обществе вызвать не могли: большинство крестьян по неграмотности не понимало содержания выступления ярких проповедников. Но такие речи, по мнению ректора Тульской духовной семинарии, архимандрита Георгия, в любом случае не могли произноситься с церковной кафедры, как содержавшие мирской взгляд на издаваемые законы, и допускавшие «множество неуместных с церковной кафедры не гармонирующих выражений» [\[19, с.62\]](#).

И все же время Манифеста 17 октября не остался незамеченным и представителями церковной иерархии. Так, в годовщину опубликования Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», 17 октября 1906 г. в Тульской духовной семинарии, ректор, архимандрит Алексей (Симанский), назначенный 1 октября 1906 г., произнес слово, в котором отмечалось, что дарование прав означает одновременно и возложение новых обязанностей: «Свобода, к которой мы призваны, налагает на нас долг, прежде всего, заботиться об освобождении себя от лености, невежества, страстей. Если мы достигнем этой внутренней, нравственной свободы, то мы сумеем употребить во благо и ту внешнюю гражданскую свободу, которая дарована нам Самодержцем» [\[20, с. 740\]](#).

Итак, появление Манифеста 17 октября 1905 г. поставило приходское духовенство в затруднительное положение, когда священник, с одной стороны, в проповедях не должен был касаться политики, но с другой стороны, как пастырь обязан был растолковывать содержание важнейших законов, объяснять изменения в государственной и общественной жизни с целью предотвращения участия верующих в Смуте. По словам одного сельского священника из Тульской губернии, «...народное движение, охватившее всех в 1904 и 1905 гг. и завершившееся манифестом 17 октября, разделило людей всех на два враждебных лагеря; человек, который занимал известное общественное положение и мог влиять на других, прежде всего, должен был обратить на себя внимание и категорически высказаться на злобу времени; его мнение в ту или другую сторону неминуемо порождало лестные отзывы одной стороны и враждебные другой. В таком положении находился каждый сельский священник в памятный 1905 г.; к нему первые обращались за разъяснением всех вопросов – и как он должен был быть осторожен в своих суждениях, дабы не навлечь на себя чьего-либо подозрения, одно его лишнее слово могло вызвать целую историю и послужить против него же орудием

для людей злонамеренных» [\[19, с.82-83\]](#).

Таким образом, Манифест 17 октября 1905 г. оказал определенное влияние на умы и настроения приходского духовенства. Его появление было положительно воспринято немалой частью клира, не все действия которой отложились в делопроизводстве государственных и церковных органов. Однако имеющиеся опубликованные источники и неопубликованные архивные материалы позволяют утверждать, что в сознании священно- и церковнослужителей этот законодательный акт воспринимался как дарованная государем императором свобода не только для прихожан, но и для самих священно- и церковнослужителей. Идеи Манифеста вселяли надежду на обновление не только государственной, но и церковной жизни.

Библиография

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1908. Т. 25. № 26803.
2. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. М., 2006.
3. Сафонов А. А. Вероисповедные законопроекты правительства и позиция Святейшего Синода Русской православной церкви: перспективы реализации свободы совести в законодательстве Российской империи в начале XX в. // История государства и права. 2009, № 22. С. 37-44
4. Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен. М., 2002.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1908. Ст. 26125.
6. Иконников С. А. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Социокультурная характеристика: дис...канд. ист. наук. Воронеж, 2015.
7. Васильева А. В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: дис...канд. ист. наук. – Омск, 2015.
8. Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки/ Сост. и авт. вст. сл. Д. А. Жуков. М.: Современник, 1989.
9. Церковные ведомости. 1905. № 43.
10. Тульские епархиальные ведомости. 1905. № 40. 22 октября. Офиц. часть.
11. Калужские епархиальные ведомости. 1905. № 21. Часть офиц. 15 ноября.
12. Рязанские епархиальные ведомости. 1905. № 23. 1 декабря. Отдел офиц.
13. Церковные ведомости. 1905. № 44.
14. Тульские епархиальные ведомости. 1905. № 43. 18 ноября. Неофиц. часть.
15. Тульские епархиальные ведомости. 1905. № 40. 22 октября. Офиц. часть.
16. Калужские епархиальные ведомости. 1905. № 20. Неофиц. часть.
17. Калужские епархиальные ведомости. 1905. № 21. Неофиц. часть.
18. Государственный архив Тульской области. Ф. 3. Оп. 18. Д. 7578.
19. Понарин П. В. Русская Православная Церковь, общество, государство: проблема духовного инакомыслия в период поздней империи и революционную эпоху. Рубеж XIX-XX вв. –1920 г. (на материалах Тульской губернии): дис...канд. истор. наук. Тула, 2006.
20. Тульские епархиальные ведомости. 1906. № 40. 22 октября. Неофиц. часть.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования - Манифест 17 октября 1905 года и православное приходское

духовенство в 1905–1907 гг. Название статьи соответствует ее содержанию.

Методология исследования базируется на принципах объективности, научности, историзма. В работе использованы структурный и типологический методы, а также проблемно-исторический и историко-сравнительный методы.

Актуальность темы обусловлена тем. Православная церковь занимает в нашей стране важное место, после многих десятилетий атеизма народ обратился к религии, отреставрированы, а также возведены новые храмы и церкви, возросла роль священнослужителей в обыденной жизни людей и в общественной жизни общества в целом. В период трансформационных изменений 1990-х годов церковь заявляла, что она будет находиться все политики и ее главной задачей является духовное возрождение общества и главной целью нравственное воспитание, вопросы морали и веры. Три десятилетия, прошедшие после развала СССР показали, что государство и церковь находятся в конструктивном диалоге и церковь призвана оказывать взаимодействие с органами власти в проведении государственной политики по наиболее важным вопросам как в религиозной сфере, так и по вопросам государственно-общественной значимости. В этой связи представляется, что изучение взаимодействия власти и церковных структур в начале XX века, в период военного поражения в войне с Японией, модернизации российского общества и революционной ситуации 1905-1907 годов заслуживает внимания, т.к. в тот период социально-политическая позиция деятелей церкви была неоднозначной. А потому анализ позиций православного приходского духовенства в 1905–1907 гг. и их отношение к Манифесту 17 октября 1905 года представляется чрезвычайно актуальным и важным, как с теоретической, так и практической стороны.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна обусловлена тем, что вопрос об отношении православных приходских священников изучается на разнообразных источниках и с учетом достижений исторической науки.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом следует отнести к научному с элементами описательности, что делает текст статьи легким для чтения и восприятия не только специалистами, но и широким кругом читателей. Структура статьи, несмотря на то, что она не разделена автором на разделы, в целом направлена на достижение цели и задач статьи. В начале статьи автор дает достаточно хороший и качественный анализ историографии вопроса, отмечает работы, в которых был проведен анализ содержания Манифеста 17 октября 2005 г. и его значения для общественно-политической ситуации. Автор также отмечает, что в литературе в основном на региональных источниках хорошо раскрыт вопрос «о разнообразных формах вовлеченности священно-и церковнослужителей в события 1905 года, а также противодействия бунтарским настроениям крестьян» и случаи «неправильного толкования Манифеста 17 октября», приходскими священниками. Автор показывает какие вопросы исследуемой темы разработаны хорошо, а какие требуют дальнейших исследований и пишет, что в современных трудах недостаточно освещен вопрос о позиции клириков по отношению к Манифесту, не разработан вопрос о влиянии на настроения православных священников отставки с поста обер-прокурора П. Победоносцева через 2 дня после опубликования Манифеста. В тексте статьи показано как трактовали священники положения Манифеста (некоторые трактовки священники были близки к программам либеральных партий и в них проглядывались симпатии к представителям оппозиционных движений, критика синодального устройства церкви, отмечалось, что в стране есть кризис власти и т.д.). своих трактовках сближались с была близка к программа либеральных Автор подчеркивает, что такие проповеди не могли вызвать никаких волнений среди прихожан, т.к. сельское население было в целом неграмотным и «темным». Текст статьи логично выстроен и изложен. заключении статьи автор приходит к следующему выводу и

пишет: «Манифест 17 октября 1905 г. оказал определенное влияние на умы и настроения приходского духовенства. Его появление было положительно воспринято немалой частью клира, не все действия которой отложились в делопроизводстве государственных и церковных органов. Однако имеющиеся опубликованные источники и неопубликованные архивные материалы позволяют утверждать, что в сознании священно- и церковнослужителей этот законодательный акт воспринимался как дарованная государем императором свобода не только для прихожан, но и для самих священно- и церковнослужителей. Идеи Манифеста вселяли надежду на обновление не только государственной, но и церковной жизни».

Библиография работы состоит из 20 источников (это фундаментальная работа по исследуемой теме Фирсова С.Л., кандидатская диссертация Васильевой А.В., посвященная социальному облику православного духовенства Западной Сибири в конце XIX-начале XX в. и другие). Представленная библиография грамотно использована и автор достиг цели и задач исследования.

Апелляция к оппонентам представлена в ходе собранного над работой информации и в библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья подготовлена на актуальную тему, она будет интересна специалистам и широкому кругу читателей, всем кому интересна религиозная жизнь в России в начале XX века.